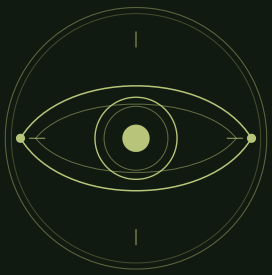
O.V.K — X.T.R

НАБЛЮДЕНИЕ

ГЛАЗ, ПРИМЕТА
И ВЫВОД

УСТРОЙСТВО, ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛ

O.V.K — X.T.R

НАБЛЮДЕНИЕ

ГЛАЗ, ПРИМЕТА И ВЫВОД

Книга о том, как смотреть, чтобы видеть:
от Гиппократа и Джозефа Белла к опытам о слепоте невнимания,
о примете, догадке и её проверке

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Вы смотрите, но не наблюдаете. Разница очевидна».

— Шерлок Холмс, «Скандал в Богемии»

Книга писана *для* того, кто хочет видеть,
и *для* того, кого видят.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое наблюдение 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Врачи, охотники и знатоки 5
V. Дюпен, Белл и Холмс 6
VI. Слепота невнимания 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем наблюдение не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Смотреть и видеть 11
X. Ожидание застит глаз 12
XI. Порядок осмотра 13
XII. Примета и её вес 14
XIII. От приметы к догадке 15
XIV. Проверка догадки 16
XV. Запись 17
XVI. Память наблюдателя 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРЕДМЕТ

XVII. Одежда и обувь 20
XVIII. Руки и походка 21
XIX. Лицо 22
XX. Речь как примета 23
XXI. Вещи и жилище 24
XXII. Место и следы 25
XXIII. Улица и толпа 26
XXIV. Бумага и почерк 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОТИВНИК

XXV. Обман наблюдателя 29
XXVI. Своё желание 30
XXVII. Первое впечатление 31
XXVIII. Общее место 32
XXIX. Свидетель и его ошибки 33
XXX. Усталость и привыкание 34
XXXI. Наблюдаемый наблюдатель 35
XXXII. Тайна и приличие 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего наблюдение не может 38
XXXIV. Мнимые науки 39
XXXV. Холмс как выдумка 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена наблюдателя 42
XXXVIII. Правила смотрящего 43
XXXIX. Правила заключающего 44
XL. Заключение: глаз и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

✣

ОСНОВАНИЯ

Откуда пошло искусство наблюдать, кто его довёл до ремесла,
что открыли опыты о слепоте
и отчего глаз видит не то, что перед ним

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое наблюдение

Наблюдением зовётся смотрение с вопросом: глаз, направленный на предмет ради того, чтобы узнать о нём нечто, чего он сам не говорит.

Определение отделяет наблюдение от двух соседей. От *смотрения* — ибо смотрят все, а видят немногие; от *подглядывания* — ибо там вопрос заменён любопытством. Наблюдатель знает, зачем смотрит, и оттого видит.

Книга эта продолжает книгу о внимании. Там разбиралось, как удержать ум на предмете; здесь — что делать, когда он удержан: как разложить видимое на приметы, как из примет сложить догадку и как догадку проверить, не обманув себя.

Различим три ступени, и все три понадобятся. **Взгляд** — получение примет. **Догадка** — предположение о том, что за ними стоит. **Проверка** — испытание догадки новыми приметами. Кто останавливается на первой, тот собиратель; кто на второй — сочинитель; наблюдатель проходит все три.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство взгляда, догадки и проверки; третья — предметы наблюдения, от одежды до почерка; четвёртая — противники наблюдателя, снаружи и внутри; пятая — границы, мнимые науки и правила.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

☩

Русское «наблюдать» происходит от «блюсти» — беречь, стеречь, соблюдать. Наблюдатель по слову есть сторож: тот, кто следит, чтобы ничто не ускользнуло.

Латинское observare составлено так же: ob — «перед», servare — «хранить, стеречь». Отсюда «обсерватория» — сторожевая башня неба. Греческое «теория» первоначально означало смотрение, созерцание; зритель на играх звался «теорос». Всякая наука начиналась со смотрения.

Различим слова. *Смотреть* — направить глаз. *Видеть* — получить образ. *Замечать* — выделить в образе нечто. *Наблюдать* — замечать с вопросом и в порядке. *Примечать* — удерживать замеченное в памяти как знак: отсюда «примета».

«Наблюдательность» — слово девятнадцатого века, когда врачи и естествоиспытатели стали учить ей нарочно. До того полагали, что она даётся природою, как острота зрения.

Заметим наперёд, что в этой книге *наблюдение* означает ремесло, а не дар: ему учатся, как учатся читать, и теряют, как теряют язык без употребления.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✢

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же объясняют, отчего глаз обманывает и как его поправить.

Первое: глаз видит то, что ум ищет. Зрение не окно, а вопрос: из всего, что перед глазами, замечается лишь то, к чему есть ожидание или вопрос. Кто не спрашивает, тот не видит — и не знает, что не видит.

Второе: примета говорит только в сравнении. Загорелое лицо ничего не значит само по себе; оно значит нечто рядом с белой полосой от часов. Наблюдатель видит не вещи, а *различия*: между частями предмета, между предметом и обычным, между сегодня и вчера.

Третье: вывод есть догадка, а не чтение. Из приметы не следует причина; следует лишь *вероятная* причина, которую надлежит проверить. Кто читает по приметам, как по книге, тот сочиняет.

Из трёх положений выводится и способ упражнения — спрашивать, сравнивать, проверять, — и главная ошибка, разобранная в главе тридцать пятой: принимать уверенность за верность.

И заметим родство с книгой об ошибках рассуждения: наблюдение есть рассуждение, начинающееся с глаза, и все ошибки его суть ошибки вывода.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Врачи, охотники и знатоки

✢

Три ремесла довели наблюдение до искусства задолго до того, как о нём стали писать книги.

Врачи. Гиппократ учил смотреть на больного прежде, чем спрашивать: цвет лица, положение в постели, дыхание, кожа. Описанное им лицо умирающего — заострённый нос, впалые виски, холодные уши — доныне зовётся его именем. Врач видел то, чего больной не знал о себе.

Охотники. Следопыт по примятой траве, надлому ветки и глубине следа судил о звере, его весе, поспешности и давности прохода. Здесь родилось правило: *малое и случайное говорит больше, чем большое и нарочное*, ибо малого не подделывают.

Знатоки. Джованни Морелли в 1870-е годы предложил отличать подлинную картину от подделки не по лицам и композиции, которые копиист повторяет старательно, а по мочкам ушей, ногтям и пальцам, которые он пишет как привык. Приём этот разошёлся далеко за пределы живописи.

Общее у трёх: смотреть на то, на что не смотрят, и судить по тому, что не нарочно. Из этого правила выросли и сыщик, и врач-диагност, и всякий, кто читает человека по мелочам.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дюпен, Белл и Холмс

✢

Образ наблюдателя, известный всем, сложен из трёх лиц: двух выдуманных и одного живого.

Дюпен Эдгара По, 1841 год, — первый сыщик в словесности. Он рассуждает вслух, идя от примет к выводу, и По впервые показал этот ход как зрелище. Его правило: смотреть на дело со стороны, глазами противника.

Джозеф Белл, врач из Эдинбурга, учил студентов определять ремесло и путь больного до того, как тот откроет рот: по мозолям, по загару, по походке, по говору. Один из студентов, Артур Конан Дойл, запомнил это на всю жизнь.

Холмс, 1887 год, есть Белл, перенесённый из клиники на улицу. Приём его тот же: примета, сравнение, вывод — и вывод произнесён с уверенностью, которой у Белла не было. Об этой уверенности — глава тридцать пятая.

Что из этого настоящее. Порядок осмотра, внимание к обуви и рукам, привычка спрашивать «отчего это так, а не иначе» — всё это ремесло, и ему можно учиться. Что выдумка — безошибочность: у живого наблюдателя на всякий верный вывод приходится несколько неверных, и он это знает.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Слепота невнимания

✢

Опыты конца двадцатого века показали то, о чём наблюдатели догадывались: человек не видит того, чего не ищет, даже если оно перед глазами.

Горилла. Дэниел Саймонс и Кристофер Шабри в 1999 году показывали запись, где две команды передают мяч, и просили считать передачи. Посреди записи через площадку проходил человек в костюме гориллы. Половина считавших его не заметила — и не верила, покуда не показали вновь.

Слепота к переменам. В другом опыте прохожий спрашивал дорогу; в разговор вклинивались рабочие с дверью, и за дверью спрашивающего подменяли другим. Большинство подмены не заметило.

Что это значит. Глаз получает всё; ум берёт только то, к чему есть вопрос. Внимание есть не свет, освещающий комнату, а луч, вырезающий из темноты одно. Об устройстве этого луча — книга о внимании.

Что из этого следует для наблюдателя. Смотреть без вопроса бесполезно; смотреть с одним вопросом — значит не видеть остального. Оттого нужен *порядок осмотра* — ряд вопросов, проходимых по очереди, — о чём глава одиннадцатая. И нужна скромность: гориллу не увидел бы и Холмс, если бы считал мячи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

У нас наблюдение разрабатывалось врачами, судьями и словесниками, и всякий внёс своё.

Павлов велел написать на стене своего института три слова: «Наблюдательность, наблюдательность, наблюдательность». Он полагал, что факт, добытый глазом, старше всякой теории, и учил сотрудников записывать виденное прежде, чем толковать.

Кони в речи о памяти и внимании разобрал показания свидетелей и показал, сколь они ненадёжны: свидетель видит то, что ожидал, помнит то, что ему после сказали, и уверен тем твёрже, чем дальше событие. Наблюдения его опередили опыты, о коих глава двадцать девятая.

Ушинский ставил наблюдательность первым предметом воспитания: прежде чем учить ребёнка словам, надлежит научить его видеть вещи, ибо слово без виденного пусто.

Гиляровский и вся школа очерка показали наблюдение как ремесло словесника: описание человека по одной точной примете стоит страницы рассуждений о характере. Чехов — тот же урок в рассказе.

Общий урок линии: *виденное записывать до толкования*, а показания — свои и чужие — принимать с оговоркой. Обе мысли положены в основу второй части.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем наблюдение не является

Отсечём лишнее, ибо слово это охотно присваивают занятия, к нему не относящиеся.

Наблюдение не есть чтение мыслей. Оно видит следы поступков и привычек; о мыслях оно догадывается, и догадка эта не лучше всякой другой. Кто обещает прочесть человека насквозь, тот показывает фокус, о чём книга о ментализме.

Оно не есть подозрительность. Подозрительный ищет одно — дурное — и находит, ибо ищет; наблюдатель ищет то, что есть.

Оно не есть слежка. Слежка есть наблюдение без согласия и с целью против наблюдаемого; о границе приличия — глава тридцать вторая.

Оно не есть острота зрения. Близорукий наблюдатель видит более зоркого невнимательного, ибо смотрит с вопросом.

И оно не есть безошибочность. Наблюдатель ошибается часто и знает об этом; неошибающийся — выдумка, о которой глава тридцать пятая.

Что же оно есть? *Ремесло смотреть в порядке, сравнивать, догадываться и проверять* — ремесло, доступное всякому, кто согласен видеть, что не видел.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

✤

УСТРОЙСТВО

Как смотрят, чтобы видеть, в каком порядке осматривают,
что такое примета и её вес,
как из примет складывают догадку и как её проверяют

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Смотреть и видеть

Между смотрением и видением лежит вопрос; наблюдатель отличается от прохожего тем, что подходит к предмету с вопросом, а не с глазами.

Вопрос общий: что здесь необычно? Он требует знания обычного — и оттого наблюдатель есть прежде всего знаток обыкновенного: как обыкновенно носят обувь, ходят, держат руки, говорят. Кто не знает нормы, тот не увидит отклонения.

Вопрос частный: что я хочу узнать? Ремесло, путь, настроение, правду ли говорит. Частный вопрос сужает луч и делает его острым; но, как показано в главе шестой, всё вне луча остаётся невидимым. Оттого частные вопросы задают по очереди.

Смотреть дважды. Первый взгляд даёт целое и впечатление; второй — части и приметы. Впечатление первого взгляда надлежит записать и отложить: оно и ценно, и опасно, о чём глава двадцать седьмая.

Смотреть на неглавное. Лицо и слова человек устраивает; обувь, ногти, изнанку рукава, заднюю часть дома — нет. Правило Морелли: подлинное там, куда не смотрят.

И правило времени: три минуты смотрения молча дают более, чем полчаса разговора, ибо в разговоре наблюдатель занят собою.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ожидание застит глаз

Главный враг наблюдателя не темнота, а ожидание: ум достраивает видимое до ожидаемого и выдаёт достроенное за виденное.

Опыт с картами. Брунер и Постмен в 1949 году показывали игральные карты с переменённой мастью — красную пику, чёрную черву. Люди видели обычные карты и называли их уверенно; некоторые, заметив неладное, испытывали тревогу, не понимая отчего.

Отчего так. Зрение экономно: оно не рассматривает всякую вещь заново, а узнаёт её по немногим признакам и дорисовывает остальное из памяти. В обычной жизни это спасает; в наблюдении — губит.

Что помогает. Спрашивать не «что это», а «что здесь есть»: описывать, а не называть. Назвавший вещь перестаёт её видеть. Рисовальщики знают это правило: рисуй линию, а не нос.

Нарочное несогласие. Предположив, что перед тобой обычное, поищи, чем оно необычно; предположив необычное — чем обычно. Вопрос, обратный ожиданию, вскрывает достроенное.

В книге о внушении показано, как ожидание внушается словом: скажи, что человек болен, — и увидят бледность. Наблюдатель помнит, что первое внушение он получает от себя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Порядок осмотра

✢

Поскольку луч внимания узок, наблюдатель водит его в установленном порядке, дабы не пропустить того, чего не ждал.

От целого к части. Сперва общее впечатление и осанка; потом — голова, руки, ноги; потом — вещи при человеке; потом — то, что вокруг него. Всякий раз один и тот же обход, как у врача.

Сверху вниз или снизу вверх — безразлично, лишь бы всегда одинаково; привычный порядок сам замечает пропуск.

Три вопроса на каждой остановке: что здесь есть; что здесь необычно; чего здесь нет, хотя должно быть. Третий вопрос — о собаке, которая не лаяла, — самый сильный и самый редко задаваемый.

на каждой остановке: что есть · что необычно · чего нет

Осмотр места идёт тем же порядком: вход, пол, стены, стол, окно, выход; и на каждом — те же три вопроса.

Порядок кажется медленным и есть самое быстрое: у опытного он проходит за полминуты и не пропускает гориллы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Примета и её вес

☩

Приметой зовётся замеченное различие, за которым может стоять причина. Не всякая примета равна другой, и наблюдатель взвешивает их прежде, чем складывать.

Вес приметы определяется двумя вопросами. Сколь она редка: загар говорит мало летом и много зимой. Сколь трудно её подделать: слова дёшевы, мозоли дороги.

Виды примет. *Следы работы* — мозоли, пятна, износ. *Следы привычки* — потёртость на одном месте, наклон почерка, любимое кресло. *Следы происшествия* — свежая царапина, мокрый рукав. *Следы намерения* — вещи, приготовленные для дела.

Правило сравнения. Примета говорит лишь рядом с другой: правая рука грубее левой — ремесло; обе одинаковы — нет. Одна примета есть повод для вопроса, две согласные — для догадки, три — для проверки.

Правило ненарочного. Что человек показывает, весит мало; что упускает — много. Дорогие часы говорят о желании казаться; стоптанный каблук под ними — о том, что есть.

О том, как приметы обманывают нарочно, — глава двадцать пятая; здесь довольно помнить, что *вес приметы есть её редкость, помноженная на цену подделки*.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

От приметы к догадке

Ход от примет к выводу не есть ни дедукция, ни индукция, как бы ни звал его Холмс; у него своё имя, и знать его полезно.

Чарльз Пирс назвал этот ход *абдукцией* — догадкой о причине: «наблюдается странное; если бы было так-то, странное стало бы обычным; стало быть, есть основание думать, что так и есть». Вывод этот не необходим, а лишь вероятен, и в этом его природа.

Устройство догадки. Собрать приметы; спросить, какая одна причина объяснила бы их все; предпочесть ту, что объясняет более и предполагает менее. Загар на лице и руках до запястья, прямая спина, короткая стрижка — одна причина объясняет три приметы.

Несколько догадок. Всегда держать две-три: загар и выправка бывают не только у военного, но и у садовника с хорошей осанкой. Кто держит одну, тот подгоняет приметы под неё.

Порядок. Догадка идёт после осмотра, а не во время: ум, получивший догадку, перестаёт смотреть и начинает подтверждать.

Об ошибках этого хода — подмене «вероятно» на «стало быть» — писано в книге об ошибках рассуждения; здесь довольно правила: *догадка есть вопрос к следующей примете, а не ответ.*

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Проверка догадки

☩

Догадка ценится не тем, сколь она остроумна, а тем, что предсказывает; и наблюдение кончается не выводом, а проверкой.

Спросить, что ещё должно быть. Если он военный — каковы должны быть ботинки, походка, ответ на обращение. Догадка называет приметы, которых ещё не искали; их ищут — и находят или не находят.

Искать опровержение, а не подтверждение. Подтверждения найдутся всякой догадке, ибо ум услужлив; опровержение — одно — стоит десяти подтверждений. Спросить: что я увидел бы, будь догадка ложной?

Вопрос вслух. Где можно, спросить наблюдаемого: не «вы военный?», ибо это подсказка, а нечто косвенное, на что военный и садовник ответят по-разному.

Держать счёт. Записывать догадки и их судьбу. Кто ведёт счёт, тот узнаёт свою долю попаданий — и она отрезвляет; кто не ведёт, помнит удачи и забывает промахи.

> Догадка, не назвавшая приметы, по которой её можно опровергнуть,
> есть не догадка, а мнение.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Запись

✢

Наблюдение, не записанное в тот же час, через день становится воспоминанием, а через неделю — сочинением.

Порядок записи тот же, что порядок осмотра: сперва виденное, потом догадка, отдельно и с пометой. Смешение того и другого — «он нервничал» вместо «он трижды посмотрел на дверь» — губит запись: через месяц уже не узнать, что было видено, а что домыслено.

Описывать, не называть. Не «дорогой костюм», а какого сукна, какой посадки, где потёрт. Название есть догадка; описание есть примета, годная и для другой догадки.

Число, а не слово. Не «долго молчал», а «около десяти секунд»; не «высокий», а «выше двери на ладонь». Числа переживают перемену мнения.

Дата, час, место, погода — всякий раз, ибо примета значит разное в разных обстоятельствах.

Тетрадь одна, сквозная, без вырванных страниц; в ней же — счёт догадок из главы четырнадцатой. Павлов держал такую и требовал того же от всех.

О способах удержать виденное в памяти до записи — книга об искусстве памяти; но правило одно: *записывай в тот же час, ибо памяти наблюдателя верить нельзя*, о чём следующая глава.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Память наблюдателя

✢

Память не хранилище, а мастерская: всякое воспоминание пересобирается при каждом обращении к нему, и пересобирается по нынешнему мнению.

Что показали опыты. Элизабет Лофтус в семидесятые годы спрашивала видевших запись столкновения: «с какой скоростью машины врезались?» — и «соприкоснулись?». Первые называли скорость выше и «помнили» разбитое стекло, которого не было. Слово вопроса вошло в память как виденное.

Уверенность не есть верность. Самые уверенные свидетели ошибаются не реже прочих; уверенность растёт с пересказом, а не с точностью. Кони заметил это за век до опытов.

Что помнится хорошо: общий смысл, необычное, то, к чему был вопрос. **Что дурно:** порядок событий, время, точные слова, лица незнакомых.

Правила. Записать до разговора с кем-либо о виденном — чужой рассказ перепишет память. Не пересказывать многократно — всякий пересказ есть правка. Отделять в памяти «видел» от «понял» и «мне сказали».

Оттого наблюдатель полагается на тетрадь, а не на память, и на тетрадь — лишь ту, что писана в тот же час. Всё прочее есть свидетельские показания, о цене коих глава двадцать девятая.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРЕДМЕТ

Одежда, руки, лицо и речь, вещи и жилище,
место и следы, улица и толпа,
бумага и почерк — что и как в них читается

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Одежда и обувь

Одежду человек выбирает, обувь — носит; оттого первая говорит о том, кем он хочет казаться, вторая — о том, как он живёт.

Обувь. Стоптанность снаружи или внутри — походка и, часто, здоровье ног. Износ носка — много ходит; чистые подошвы — ездит. Свежая грязь и её цвет — откуда пришёл. Дорогая, но давно не чищенная — перемена достатка или привычек. Одна пара, ношенная всякий день, — либо бедность, либо безразличие к одежде.

Одежда. Посадка говорит о том, своя ли: чужая или купленная наспех сидит не там. Износ на локтях и манжетах — работа за столом; на коленях — работа внизу; на плече — ремень сумки, и с какой стороны. Свежая складка на давно не глаженном — одевался нарочно.

Несогласие частей — самая сильная примета: дорогое пальто и дешёвые часы; новый костюм и старая обувь; выглаженная рубашка и нестриженные ногти. Всякое несогласие есть вопрос: что здесь переменилось или что скрывается.

И оговорка: одежду подделывают легче всего, ибо о ней все знают, что по ней судят. Вес её мал; вес обуви и изнанки — велик.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Руки и походка

Руки и походку не устраивают перед выходом, и оттого они говорят правду чаще лица.

Руки. Мозоли и где: у основания пальцев — орудие; на боку среднего пальца — перо или карандаш; на подушечках левой — струны. Пятна: чернила, масло, краска, никотин, земля под ногтями. Ногти: ухожены ли, обкусаны ли, коротки ли по надобности. Кольцо и след от кольца. Загар до запястья — работа на воздухе в рукавах. Дрожь, и когда — в покое или при движении.

Как держат руки. Привычка прятать — смущение или холод; привычка трогать лицо — беспокойство или просто привычка: здесь примета слаба, о чём глава тридцать четвёртая.

Походка. Ровный шаг и прямая спина — строй или сцена; переваливание — тяжесть или боль в бёдрах; бережёт ногу — какую и давно ли, судя по стоптанности; смотрит под ноги — привычка к дурной дороге или к очкам. Скорость шага в сравнении с толпой: спешит ли, знает ли дорогу.

Рукопожатие говорит о мозолях и силе, но не о характере; всё прочее, что о нём пишут, есть общее место.

Правило: руки смотреть первыми, ибо их убирают, заметив взгляд.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Лицо

✢

Лицо есть предмет самый заманчивый и самый обманчивый: на него смотрят все, и оттого его устраивают все.

Что читается надёжно. Возраст — приблизительно. Здоровье: цвет, отёчность, белки глаз, губы. Сон: круги, припухлость век. Занятие на воздухе: загар и морщины у глаз от прищура. Привычки: следы очков на переносице, курение по губам и зубам. Недавние слёзы, недавняя бритва.

Что читается плохо. Характер, ум, честность — не читаются вовсе; всё, что об этом писано, есть физиогномика, разобранная в главе тридцать четвёртой. Чувство читается лишь в сильном движении — и тогда его видят все; в слабом — наблюдатель угадывает не лучше случая.

Что стоит смотреть. Не выражение, а *перемену* выражения — и при каком слове она случилась. Не глаза, а куда они пошли при вопросе. Не улыбку, а участвуют ли в ней глаза. Не бледность, а её появление.

Оговорка о лжи. Нет приметы лица, надёжно выдающей ложь; опыты дают долю попаданий чуть выше монеты и у обученных, и у необученных. Кто уверен, что видит ложь по лицу, тот видит своё ожидание.

Правило: лицо смотреть последним и верить ему менее всего.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Речь как примета

Речь человек устраивает наполовину: слова выбирает, а говор, темп и любимые обороты — нет.

Говор указывает место, где вырос, точнее паспорта: гласные, ударения, словечки. Учёная речь поверх говора — вырос в одном месте, учился в другом.

Словарь. Слова ремесла проскакивают в чужой разговор: морской, врачебный, военный, канцелярский. Особенно — меры и сравнения: чем человек мерит, тем занимается.

Темп и пауза. Пауза перед ответом — ищет слово или ищет, что сказать; различие слышно по тому, что после паузы: точное слово или общее. Ускорение — спешит закончить предмет; замедление — взвешивает. Об устройстве этого — книга о голосе.

Обороты. Что повторяет: «честно говоря», «в сущности», «как бы». Повторяемое — примета привычки, а не искренности; общее место о том, что «честно говоря» выдаёт лжеца, есть общее место.

Чего избегает. Предмет, обходимый в разговоре, виден по крюку, который делает речь; это и есть та собака, что не лаяла.

Правило: слушать не что говорит, а *как* и *чего не говорит*; первое даётся собеседнику, второе и третье — наблюдателю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вещи и жилище

✢

Вещи при человеке суть его выбор; вещи в его доме — его жизнь; и второе говорит правдивее первого.

Вещи при себе. Что носит и как: сумка — на каком плече и что в ней сверху; ключи — сколько и от чего; записная книжка — ведёт ли и чем пишет; часы — носит ли и на какой руке. Износ вещей — давно ли с ним и бережёт ли.

Жилище. Порядок осмотра тот же, что в главе одиннадцатой. Что на виду и что убрано. Что ново и что старо — где деньги тратятся. Книги: какие, читаны ли, где закладки. Стол: чем занят и давно ли. Кухня: на одного или на многих, готовят ли. Окно: что видно и смотрят ли.

Пыль и износ — лучшие свидетели: они показывают, чем пользуются, а не что имеют. Кресло, протёртое с одной стороны; книга с треснувшим корешком; чистая плита.

Несогласие опять всего сильнее: дорогая мебель и пустой холодильник; порядок в гостиной и хаос в спальне.

Оговорка о приличии: чужое жилище смотрят глазами, а не руками, и не открывают закрытого, о чём глава тридцать вторая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Место и следы

Осмотр места есть искусство древнейшее — охотничье, — и правила его переносятся с леса на комнату без перемен.

Сперва не входить. Осмотреть с порога: что переменилось, что не на месте, откуда свет, куда ведут следы. Вошедший затаптывает и переставляет, и первым переставляет своё внимание.

Давность. Пыль на следе и рядом; влага; засохшее и свежее; тепло. Свежий след имеет острые края, старый — оплывшие.

Направление и число. Следы говорят, кто откуда пришёл, куда ушёл и сколько их было; наложение следов — кто прошёл раньше.

Чего нет. Пустое место на полке в пыли — вещь была и взята. Чистый круг на грязном столе. Один стул отодвинут. Собака, которая не лаяла, живёт на всяком месте.

Помеха. Всякий, кто был здесь до наблюдателя, оставил своё и снял чужое; и первый вопрос об осмотренном месте — кто осматривал прежде.

Правило: место осматривают дважды — до того, как узнали, что случилось, и после. Первый осмотр видит, второй понимает; а кто осматривает лишь после, тот видит одно ожидание.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Улица и толпа

✢

Улица есть наблюдение в движении: приметы мелькают, и наблюдатель ловит немногое, зато у многих.

Кто куда идёт. Направление и скорость толпы в этот час говорят о городе более карты: где работают, где живут, где торгуют. Идущий против толпы заметен, и заметно, отчего.

Кто здесь свой. Свой не смотрит на вывески и знаки, идёт не по прямой, а по короткому; чужой смотрит вверх и останавливается на углах.

Кто ждёт. Ждущий смотрит на часы и на одну сторону; ищущий — на все. Ждущий давно — переминается и меняет место.

Кто с кем. Идущие вместе держат один шаг; пара, недавно поссорившаяся, — разный; чужие, идущие рядом, — разный и не поправляют.

Что необычно в толпе. Стоящий, когда все идут; смотрящий на людей, когда все смотрят перед собою; одетый не по погоде. Об устройстве толпы и её движения — книга о внушении, где толпа разобрана как средство; здесь она — предмет.

Правило улицы: смотреть на многих по одной примете, а не на одного по всем; и помнить, что на улице смотрят и на тебя, о чём глава тридцать первая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Бумага и почерк

✢

Бумага есть след, который остаётся, когда человек ушёл; и она читается двояко: как вещь и как письмо.

Бумага как вещь. Сорт, сгибы, потёртость, пятна, следы скрепок и пальцев. Сложена ли в карман, лежала ли под чем-то, была ли мокрой. Всё это говорит о пути бумаги, а путь — о хозяине.

Письмо как вещь. Чем писано и в один ли присест: перемена нажима и наклона — перерыв или перемена настроения. Исправления — что исправлено, то было важно. Поля и пробелы — спешил или обдумывал.

Почерк. Читаются надёжно: обученность руки, привычка писать много или мало, спешка, возраст приблизительно, болезнь — дрожь, распад строки. *Не читается* характер: графология проверена и не подтвердилась, о чём глава тридцать четвёртая. Сходство почерков в разных бумагах — читается, и это дело судебных знатоков.

Печатное и набранное. Здесь примета — словарь, ошибки, знаки препинания, привычка к переносам и заглавным; о выводах из текста — книга о герменевтике.

Правило: бумагу сперва смотрят как вещь, потом читают; читающий сразу теряет вещь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПРОТИВНИК

Кто обманывает наблюдателя снаружи и что обманывает изнутри:
желание, первое впечатление, общее место,
усталость — и сам наблюдаемый, знающий, что на него смотрят

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Обман наблюдателя

✢

Всё, что читает наблюдатель, может быть написано нарочно; и первый вопрос ко всякой примете — не подложена ли она.

Подложная примета. Кто знает, что по обуви судят, тот стопчет обувь. Цена подделки из главы двенадцатой здесь решает: примету, известную всем, подделывают часто; неизвестную — редко. Оттого наблюдатель держит в запасе приметы, о которых не пишут.

Отвлечение. Фокусник показывает правую руку, покуда левая работает. Всякое нарочитое — яркая вещь, громкое слово, странный поступок — есть повод спросить, что происходит в стороне. Об устройстве отвлечения — книга о ментализме.

Холодное чтение. Сцена «читает» человека, произнося общее и ловя отклик: «вы недавно пережили потерю» — и по лицу узнаёт, продолжать ли. Наблюдатель должен различать это в других и не делать сам: догадка, подправленная по отклику, не есть наблюдение.

Признаки нарочного. Согласие всех примет между собою слишком полное: жизнь неряшлива, и подлинное всегда с изъяном. Приметы, обращённые к зрителю. Приметы, слишком легко читаемые.

Правило: *чем яснее примета говорит, тем вероятнее, что её произнесли*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Своё желание

☩

Изнутри наблюдателя обманывает его собственное желание: увидеть то, что подтвердит догадку, порадует или оправдает.

Склонность к подтверждению есть самая изученная из ошибок: приметы за догадку замечаются и запоминаются, приметы против — проходят мимо. Она не порок ума, а его устройство: так экономится усилие.

Желание понравиться себе. Наблюдатель хочет быть проницательным и оттого предпочитает догадку остроумную догадке простой. Простая же чаще верна.

Желание, обращённое к наблюдаемому: симпатия и неприязнь. Тому, кто нравится, приписывают добрые причины, тому, кто нет, — дурные, при одинаковых приметах.

Средства. Назвать своё желание до осмотра: «я хочу, чтобы он оказался виноват» — и искать противного. Спросить: что увидел бы здесь тот, кто желает обратного? Держать две догадки и искать приметы за худшую из них. Вести счёт из главы четырнадцатой: он показывает, куда клонит.

О том же в книге об ошибках рассуждения сказано об уловках; здесь довольно помнить, что *первая уловка всегда своя*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Первое впечатление

☩

Первое впечатление складывается за долю секунды, держится годами и не есть ни истина, ни ложь: оно есть примета, требующая разбора.

Что в нём есть. Впечатление собирает разом множество малых примет, которых ум не успел назвать; оттого оно бывает верно там, где наблюдатель опытен в предмете. Врач видит «тяжёлого больного» с порога и лишь потом находит отчего.

Чего в нём нет. Оно не различает примет подлинных и подложных, не знает нормы для чужого круга и берёт из памяти похожего человека. Впечатление о незнакомом ремесле или чужом народе есть впечатление о своих ожиданиях.

Ореол. Одна заметная примета — красота, рост, голос — красит все прочие; красивому приписывают ум, высокому — способность. Опыты показали это многократно, и наблюдатель не свободен от этого, зная о нём.

Как обращаться. Записать впечатление одним словом и отложить. Провести осмотр по порядку, как если бы впечатления не было. Сравнить: где приметы согласны с ним, где нет. Несогласие ценнее согласия.

Правило: впечатлению верят как свидетелю — выслушав, но допросив.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Общее место

✢

Общим местом зовётся готовый вывод, приходящий прежде приметы: «скрестил руки — закрылся», «глаза бегают — лжёт», «в очках — умён».

Откуда берётся. Из книг о «языке тела», из пословиц, из сцены и из собственного опыта в одном случае, обобщённого на все. Общее место удобно: оно избавляет от осмотра.

Чем вредно. Оно заменяет примету выводом. Скрещённые руки суть примета — и разбор их требует вопроса: холодно ли, привычка ли, стул ли без подлокотников. Общее место отвечает, не спросив.

Общее место о людях — о народах, сословиях, ремёслах, возрастах — опаснее прочих: оно застит человека целиком. Наблюдатель знает нормы разных кругов, но не выводит из круга человека.

Проверка. Всякий раз, когда вывод пришёл быстро и без осмотра, — спросить, откуда он; если из пословицы или книги о жестах — отбросить и смотреть заново.

О самих этих книгах и о том, что в них проверено, — глава тридцать четвёртая; здесь довольно правила: *что известно всем о приметах, то не примета, а мнение*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Свидетель и его ошибки

✢

Чужое наблюдение приходит к нам как показание, и цена его известна: свидетель честный ошибается почти так же часто, как лживый лжёт.

Что показали опыты. Лофтус и её продолжатели установили: свидетель достраивает пропуски ожидаемым; принимает подсказку вопроса за виденное; уверенность его не связана с точностью; опознание незнакомого лица ошибочно в четверти случаев и более; разговор с другими свидетелями уравнивает показания к одному, не обязательно верному.

Что помнится хуже всего: время и длительность — переоценивают вдвое; расстояние; последовательность; слова дословно; приметы человека, если внимание было на оружии или на угрозе.

Как расспрашивать. Сперва свободный рассказ без вопросов; потом вопросы открытые — «что вы видели», не «видели ли вы нож». Не поправлять, не удивляться, не подсказывать лицом. Отделять «видел» от «понял» и «слышал от других». Расспрашивать порознь.

Как оценивать. По согласию в мелочах, о которых не сговариваются; по признанию незнания — кто помнит всё, тот сочиняет; по давности — недельное показание стоит вдвое дороже месячного.

Кони заключил свою речь тем же: свидетелю верить надлежит, но проверяя, и самому свидетелю — себе.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Усталость и привыкание

Глаз наблюдателя тупится двояко: от усталости — за часы, и от привыкания — за недели.

Усталость. Внимание держится на предмете недолго, и после того осмотр идёт по привычке: глаз ходит, ум не берёт. Опыты с надзором за приборами показали падение замеченного уже через полчаса. Средство: смены, перерывы по часам и перемена предмета, как сказано в книге о внимании.

Привыкание. Виденное всякий день перестаёт быть видимым: своя улица, свой дом, свои близкие. Перемена, происходящая медленно, не замечается вовсе — так не замечают, как стареют родители и как ветшает дом.

Средства против привыкания. Смотреть на своё как на чужое: описать свою комнату так, как описал бы чужую. Сравнивать с записью: тетрадь помнит, каким было; глаз — нет. Спрашивать пришедшего впервые: он видит то, к чему привыкли. Менять место, откуда смотришь.

Опасность опыта. Опытный видит быстрее и оттого раньше перестаёт смотреть; его догадка приходит прежде осмотра. Опыт надлежит держать в узде порядком из главы одиннадцатой — тем же, что и у новичка.

Правило: *всякий день смотреть на одно привычное как в первый раз*; это упражнение, и оно дёшево.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Наблюдаемый наблюдатель

✢

Наблюдение меняет наблюдаемого: кто знает, что на него смотрят, ведёт себя иначе, — и меняет наблюдателя, на которого тоже смотрят.

Действие взгляда. Опыты на заводе в Хоторне в двадцатые годы показали: работники, знавшие, что за ними наблюдают, работали лучше при всякой перемене условий — и при возвращении к прежним. Наблюдаемый отвечает на взгляд, а не на условия.

Отсюда правило: подлинные приметы получают, когда взгляд не замечен, — либо когда он привычен и перестал быть событием. Первые минуты знакомства дают устроенное; час спустя — настоящее.

Как смотрят, не показывая. Не глазами в глаза, а мимо и вбок: боковое зрение видит движение лучше прямого. Смотреть, занимаясь своим делом. Смотреть на отражение. Не поворачивать головы вслед.

Кто смотрит на тебя. Приметы наблюдателя те же, что он ищет в других: взгляд, возвращающийся; шаг, подстроенный под твой; человек, занятый ничем на месте, где все заняты. Об этом — книга о тайнописи, где разобрана слежка и уход от неё.

И честное замечание: наблюдатель, знающий, что о нём пишут книги, тоже ведёт себя иначе. Пусть ведёт себя лучше.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тайна и приличие

☩

Ремесло смотреть граничит с ремеслом подсматривать, и граница эта нравственная, а не техническая.

Что дозволено. Всё, что человек показывает, выйдя на улицу, есть предмет наблюдения: одежда, походка, речь при других. Видеть — не преступление; никто не обязан закрывать глаза.

Что не дозволено. Открывать закрытое: ящик, письмо, дверь. Следить за одним человеком без его ведома и без должности, дающей на то право. Собирать виденное о человеке в запись, о которой он не знает и которую не хотел бы. Пользоваться виденным ему во вред или для власти над ним.

Что видно и что говорится. Наблюдатель видит более, чем ему дозволено сказать. Увиденная беда, болезнь, бедность, тайна — не повод показать проницательность. Белл называл ремесло больного вслух; о его горе он молчал.

Наблюдение за близкими есть особый случай: они не могут уйти из-под взгляда. Смотреть на них надлежит с тем, чтобы понять и помочь, а не уличить; и говорить о виденном — лишь спрошенным.

Правило простое, и оно старше книги: *смотри на всякого так, как хотел бы, чтобы смотрели на тебя*; и помни, что смотрят.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

✣

ГРАНИЦА

Чего наблюдение не может, какие науки о нём мнимы,
чем выдуман Холмс,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего наблюдение не может

✢

Соберём пределы, ибо соблазн читать человека, как книгу, велик и поощряется сценой.

Оно не читает мыслей и чувств, кроме сильных и явных. О намерении оно догадывается по приготовлениям, о чувстве — по перемене, и догадка эта проверяется, а не объявляется.

Оно не отличает лжи от правды по лицу и жестам; доля попаданий у всех близка к монете. Ложь ловится на несогласии слов с приметами и с прежними словами, а не на бегающих глазах.

Оно не знает нормы чужого круга. Приметы, верные для своих, обманывают у чужих: то, что здесь бедность, там обычай.

Оно не заменяет знания предмета. Врач видит болезнь, слесарь — поломку, наблюдатель без ремесла видит примету и не знает, что она значит.

Оно не безошибочно — и не должно им быть; его задача — дать догадку и способ её проверки, а не приговор.

И оно ничего не говорит о должном. Из того, что человек беден, стар, болен или лжёт, не следует, как с ним поступить; это решает не глаз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Мнимые науки

✢

Вокруг наблюдения выросли учения, обещающие читать человека по устройству его тела или письма; все они проверены, и все не подтвердились.

Физиогномика — характер по чертам лица, от Лафатера до нынешних машин. При проверке черты лица о характере не говорят ничего; согласие судей между собою есть согласие в предрассудке, а не в истине.

Френология — способности по буграм черепа; оставлена наукой полтора века назад и упоминается здесь лишь как образец: стройная система при пустом основании.

Графология — характер по почерку. Многократно проверена вслепую: графологи угадывают не лучше случая; что читается в почерке — обученность, спешка, болезнь, — изложено в главе двадцать четвёртой.

«Язык тела» в книжном виде — словарь жестов с готовыми значениями. Жесты читаются в обстановке и в перемене, а не по словарю; словарь этот есть собрание общих мест.

Распознавание лжи по «микровыражениям» и по приборам: опыты дают долю попаданий, недостаточную ни для суда, ни для дела.

Общая примета мнимой науки: она обещает читать *устойчивое* — характер, ум, честность — по *телу*. Настоящее наблюдение читает *следы* — работы, привычки, происшествия — и о характере молчит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Холмс как выдумка

✢

Холмс полезен как образец порядка и вреден как образец уверенности; отделим одно от другого.

Что в нём верно. Осмотр по порядку; внимание к обуви, рукам, изнанке; вопрос «отчего так, а не иначе»; знание норм многих ремёсел; привычка записывать и сравнивать. Всё это — Белл, и всё это ремесло.

Что выдумано. Единственность вывода. «Вы были в Афганистане» — но загар и выправка бывают у многих; сочинитель устроил так, что верна одна догадка, и Холмс её произносит. Живой наблюдатель произнёс бы три и спросил бы.

Выдумана и скорость: вывод на пороге. У Белла на осмотр уходили минуты, и он ошибался при студентах, и студенты это видели.

Выдумано слово. Холмс зовёт свой ход дедукцией; это абдукция из главы тринадцатой, и различие не учёное: дедукция не ошибается, абдукция — по природе.

Чем выдумка вредна. Читатель учится не порядку, а уверенности, и произносит догадку как приговор. Наблюдатель, не ведущий счёта попаданиям, есть Холмс без сочинителя, устраивающего ему правоту.

> Уверенность есть чувство наблюдателя,
> а не свойство вывода;
> вывод проверяется приметой, а не голосом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

Наблюдению учатся, как рисованию: ежедневно, помалу и с проверкой.

Описание вещи. Взять обычный предмет и описать его на страницу, не называя: только что видно. Потом — другой рукой, потом — по памяти, и сверить.

Комната по памяти. Выйдя из комнаты, перечислить, что в ней; вернуться и сосчитать пропущенное. Через месяц пропусков вдвое меньше.

Игра Кима. Двадцать мелких вещей на подносе, минута смотрения, покрыть и перечислить. Упражнение разведчиков и старое; оно учит порядку осмотра более, чем памяти.

Один человек в день. В дороге выбрать одного, осмотреть по порядку, записать три приметы и одну догадку с тем, что её опровергло бы. Проверять, где можно; вести счёт.

Своё как чужое. Раз в неделю описать своё жилище или свою улицу как чужие — против привыкания из главы тридцатой.

Рисовать. Полчаса рисования с натуры учат видеть линии, а не названия, лучше всякой книги, и эта — не исключение.

Правило упражнений: короткие, ежедневные, с записью и сверкой. О том, как удержать ежедневность, — книга о воле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена наблюдателя

☩

Соберём правила ежедневные, охраняющие глаз от притупления, а ум — от самодовольства.

Смотреть отдохнувшим. Усталый глаз ходит по привычке; о сне и внимании — отдельные книги.

Смотреть с вопросом, и вопросы менять: сегодня — обувь у всех, завтра — руки.

Порядок всегда один — и у опытного, ибо опыт есть главный соблазн пропустить осмотр.

Записывать в тот же час, виденное отдельно от догадки, числом, а не словом.

Держать две догадки и искать приметы против любимой.

Вести счёт попаданий и перечитывать его в минуты уверенности.

Не произносить догадки вслух, покуда не проверена; произнесённая, она становится мнением, которое надо защищать.

Не собирать о людях того, чего не сказал бы им в лицо.

Раз в неделю — своё как чужое; раз в день — одна привычная вещь как в первый раз.

Правила эти скромны, и скромность есть главное свойство наблюдателя: кто знает, чего не видит, тот видит более.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила смотрящего

☩

Соберём правила для первой ступени — для того часа, когда предмет перед глазами и надлежит взять с него приметы.

Сперва не входи. Осмотри с порога и запиши впечатление одним словом.

Иди по порядку: целое, тело, вещи, вокруг; на каждой остановке — что есть, что необычно, чего нет.

Смотри на неглавное: обувь, руки, изнанку, пыль. Лицо — последним.

Описывай, не называй. Назвавший перестал видеть.

Ищи несогласие частей между собою и с обычным: в нём вопрос.

Спрашивай, не подложено ли: чем яснее говорит примета, тем вероятнее, что её произнесли.

Мерь числом: секунды, шаги, ладони.

Не смотри в глаза, когда хочешь видеть; смотри мимо и занимайся своим.

Смотри дважды: до того, как узнал, что случилось, и после.

И запиши тотчас, ибо через час это будет уже воспоминание.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила заключающего

☩

И правила для второй и третьей ступени — для того, кто из примет складывает догадку и берётся её проверить.

Взвесь примету: её редкость, помноженная на цену подделки.

Одна примета — вопрос, две — догадка, три — проверка. Не раньше.

Ищи одну причину для всех примет и предпочитай ту, что объясняет более, предполагая менее.

Держи не менее двух догадок и знай, какая примета различит их.

Назови, что опровергло бы догадку, прежде чем искать, что подтвердит.

Спроси, откуда вывод: если из пословицы, книги о жестах или из неприязни — отбрось.

Не произноси «стало быть», где верно «вероятно».

Проверь, где можно, и запиши исход — и промах тоже.

Не говори виденного во вред и не показывай проницательности на чужой беде.

И помни, что заключающий не судья: он ставит вопрос следующей примете, и его лучший вывод есть тот, который знает, чем может оказаться ложным.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: глаз и мера

✢

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Наблюдение есть *смотрение с вопросом*: глаз видит то, что ум ищет, и оттого наблюдатель водит внимание по установленному порядку, дабы не пропустить того, чего не ждал. Примета говорит лишь в сравнении, и вес её есть редкость, помноженная на цену подделки; подлинное — там, куда не смотрят, и в том, что не нарочно.

Вывод из примет есть догадка, а не чтение: она вероятна, она не одна, и она ценна тем, какую примету велит искать дальше. Проверка — поиск опровержения, а не подтверждения; и счёт попаданий есть единственная мера наблюдателя.

Противники его — подложная примета, своё желание, первое впечатление, общее место, чужое показание и привыкание — побеждаются порядком, записью и скромностью. Мнимые науки читают характер по телу; настоящее ремесло читает следы и о характере молчит.

И последнее. *Уверенность есть чувство, а не свойство вывода*. Кто видит, что не видел, тот видит более; кто знает, чего не может увидеть, тот не сочиняет. На этом стоит и глаз, и мера.

✣

НАБЛЮДЕНИЕ

Глаз, примета и вывод

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм